

А.Г. Вишнеvский. Демографические изменения, экономический рост и социальное благосостояние.

Резюме.

Демографический фактор выступает в качестве одной из важных детерминант экономического процесса, участвует в формировании темпов экономического роста и уровня благосостояния. В свою очередь, то, что происходит в экономике, также не остается без последствий для демографических процессов. В статье рассматриваются различные аспекты взаимосвязи демографических изменений и экономического роста, анализируется влияние демографических изменений на благосостояние поколений и на благосостояние семей. Подчеркивается недооценка демографами и экономистами огромного позитивного вклада в экономическое развитие и социальное благосостояние крупномасштабных демографических перемен, составляющих содержание демографической революции.

Демографические изменения, экономический рост и социальное благосостояние

Введение

Влияет ли небольшой положительный, нулевой или отрицательный рост населения на экономический рост и социальное благосостояние? Этот вопрос, поставленный в докладе Джона Эрлиша и Хитора Джоши, представляет собой часть более общего вопроса о соотношении роста населения, экономического роста и благосостояния, который включает в себя еще и проблему быстрого роста населения. Но для сегодняшней Европы эта проблема неактуальна, так что введенное авторами доклада ограничение вполне оправдано. В то же время, анализируя вопрос о демографических изменениях и их экономических последствиях (а в какой-то мере и их детерминантах — он также затрагивается в докладе Дж. Эрлиша и Х. Джоши), едва ли можно ограничиться рассмотрением только темпов роста населения. Ведь есть еще изменения самих демографических процессов и структур — рождаемости, смертности, возрастного распределения населения и т.д. Они могут оказывать непосредственное влияние на экономические явления и, в свою очередь, испытывать влияние с их стороны.

Всю совокупность вопросов взаимодействия демографических и экономических процессов можно рассматривать в двух планах: теоретическом и прикладном. При теоретическом анализе нас интересуют общие закономерности такого взаимодействия. Соответственно мы оперируем обобщенными моделями, безупречным стабильным населением, свободными логическими допущениями и т.д. Теория позволяет возвыситься над пестротой случайных фактов и вычленил наиболее важные, принципиальные зависимости, понять главное во взаимодействии демографической и экономической сфер. Прикладной анализ преследует иные цели. Он имеет дело с меняющимися — иногда очень резко — характеристиками рождаемости или смертности, с деформированными возрастными пирамидами, с неоднородными популяциями — одним словом, с той прозой жизни, которая оскверняет небесную чистоту теоретических построений. Но именно эта проза жизни и интересует, в первую очередь, специалистов-практиков, тех, кто занимается реальным прогнозированием, планированием, разработкой и реализацией мер экономической, демографической или социальной политики.

Демографические изменения и экономический рост.

В теоретическом плане экономистов и демографов вопрос о взаимодействии демографических изменений и экономического роста интересует с двух точек зрения. Во-первых, они пытаются понять, какое место демографический фактор должен занять в объяснении самих экономических процессов и явлений: более высоких или менее высоких темпов экономического роста, цикличности экономического развития, безработицы в условиях капитализма или дефицита трудовых ресурсов, с которыми столкнулись некоторые социалистические страны, и т.д. Во-вторых, они хотели бы найти объективные экономические основания для целеполагания в демографической области, установить, какие демографические характеристики можно считать оптимальными с экономической точки зрения.

Мне кажется, что оба эти вопроса основаны на преувеличении "инструментальной" роли демографического фактора по отношению к экономике и на недооценке его самостоятельного значения в жизни общества. Более того, я полагаю, что хотя область взаимодействия экономических и демографических процессов весьма важна, направления исследований, вытекающие из традиционной постановки обоих названных вопросов, могут оказаться тупиковыми.

Существует давняя, возникшая еще до Мальтуса, но сильно укрепившаяся благодаря его работам, традиция рассматривать рост населения как фактор, негативно влияющий на развитие экономики и рост благосостояния. Известно, что марксизм всегда резко отрицательно относился к мальтузианской интерпретации взаимосвязи между ростом населения и благосостоянием, справедливо упрекая мальтузианцев в игнорировании реальных процессов (в частности, технического прогресса), а также в стремлении переложить на рост населения ответственность за безработицу и другие социальные пороки, вытекавшие из самой природы капитализма. Poleмика с мальтузианством порой приводила к крайностям, скажем, к отрицанию негативного влияния демографического взрыва на решение экономических и социальных проблем развивающихся стран. "Среди ученых-марксистов в свое время возникла и долгое время сохранялась ошибочная недооценка активной общественной роли демографических факторов и создаваемых ими проблем" /8, с.23/. Сейчас демографы-марксисты преодолели упрощенный подход к пониманию взаимосвязи экономических и демографических процессов. Но в целом марксистской традиции теперь, как и прежде, не свойственно преувеличение роли демографического фактора, в особенности его негативного воздействия на эконо-

мическое развитие и рост благосостояния — безразлично, идет ли речь о быстром или медленном росте населения.

558 В немарксистской экономической мысли положение было иным. Здесь еще в начале XX в. преобладали мальтузианские воззрения на рост численности населения. Характерным примером могут служить взгляды К. Викасселя, в которых "таились неомальтузианские представления, согласно которым рост народонаселения чрезвычайно легко может опередить увеличение ресурсов" /18, с. 371/. К. Викассель, как известно, ввел в научный оборот понятие "оптимум населения", достижение которого он связывал именно с сокращением роста населения. В частности, он писал о Швеции своего времени, что в ней "оптимум населения... был существова-
венно превзойден и что энергичное ограничение деторождения на протяжении нескольких десятилетий было единственным средством добиться и сохранить повышение благосостояния" /цит. по: 3, с. 39/.

Но время шло, демографический рост замедлялся, и логика объяснений негативных экономических явлений ростом населения теряла смысл. Уже в 30-е годы XX в. новые явления заставили экономистов по-новому взглянуть на проблемы. Симптоматично в этом смысле известное заявление Э. Хансена, сделанное в 1938 г. "Воспитанные в традиции мальтузианской теории экономисты, мыслящие в терминах статической экономики, оптимистически истолковывают прекращение роста населения... Но было ничем не оправданным оптимизмом отрицать, что существуют вытекающие из резкого перехода от быстрого роста населения к его прекращению серьезные структурные неполадки, которых можно избежать или которые легко можно смягчить, только если проводить соответствующую ситуации экономическую политику" / 9, с. 257/. Э. Хансен, по словам Б. Селлигмена, "в каком-то смысле перевернул классическую проблему: в то время как Рикардс и Мальтус выражали беспокойство в связи с возможностью опережающего роста населения по сравнению с наличными ресурсами, он считал, что для создания развитой экономики необходимо более быстрый рост населения" /8, с. 454/. 672

Конечно, удобно объяснять одни и те же явления, например, безработицу, высокими темпами роста населения, когда они высоки, и низкими, когда они низки. Но, признавая существование обеих этих ситуаций, трудно избавиться от подозрения, что в каждом случае демографическому фактору приписывается влияние, которого он в действительности не оказывает. Настораживает и то, что и экономисты, и демографы не раз

пытались конкретизировать свои представления о неблагоприятных последствиях демографической стагнации, сделать их более осязаемыми, подкрепить их эмпирическим материалом, но никогда не смогли сделать этого с исчерпывающей убедительностью.

Еще в 1958 г. С. Кузнец в специальном докладе попытался рассмотреть вопрос об экономических преимуществах быстрого роста населения. "У меня сложилось впечатление, - заявил он в начале доклада, - что новейшая специальная (и популярная) литература особенно подчеркивает отрицательные стороны и опасности роста населения: истощение невозпроизводимых ресурсов, ухудшение условий накопления капитала, организационных возможностей общества, и т.п. ... Я предлагаю рассмотреть положительный вклад роста населения, полагая, что он, в конце концов, должен перевесить отрицательный эффект" /II, с. 325/. Этим намерениям не суждено было осуществиться. На последних страницах доклада можно прочесть, что, даже если говорить о развитой экономике, "главный вопрос нашей дискуссии, как и большинства исследований в области отношений между демографией и экономикой, остается открытым" /II, с. 339/. "Мы не знаем, - писал С. Кузнец, - как много - слишком много и как мало - слишком мало. У нас нет даже приблизительных эмпирических данных для того, чтобы взвешивать различные положительные и отрицательные стороны роста населения. Хотя мы, возможно, способны отличить выигрыш от проигрыша, мы редко знаем характер функции, которая связывает их с различными значениями роста населения" /II, с. 339/.

Возвращаясь снова, уже в 1965 г., к этому же вопросу, С. Кузнец утверждал, что ответом на него "неизбежно будут лишь умозрительные суждения, основанные на всестороннем применении неполных знаний" /I2, с. 122-123/. Похоже, что более чем два десятилетия, истекшие с тех пор, подтвердили этот прогноз.

Как справедливо отмечают Дж. Эрмиш и Х. Джоши, при более быстром росте населения соответствующий рост производства, потребления и т.д. может обеспечиваться только за счет технического прогресса. Этот результат не нов, нам также приходилось убедиться в его справедливости, моделируя процесс роста "выпуска" при различных темпах демографического роста /I9, с. 114-125; 20, с. 28-30/. Если предположить, что доля "выпуска" (например, национального дохода, валового национального продукта и т.п.), идущая на производственное накопление, и доля населения, занятого в производстве, остаются неизменными, то темп роста вы-

пуска" тем выше, чем ниже темпы роста населения, и наоборот. Более высокие темпы роста населения невыгодны. Единственное, что может изменить этот вывод, это введение в модель темпов технического прогресса, которые могут нейтрализовать неблагоприятное влияние на экономический рост более высоких темпов демографического роста. При этом нас должны интересовать не темпы технического прогресса сами по себе, а лишь то, в какой мере они зависят от изменений демографических переменных, связанных с темпом роста населения. Только если бы темпы технического прогресса оказались возрастающей функцией темпов роста населения (или связанных с ними других демографических переменных), можно ожидать, что сделанный ранее вывод изменится и более высокий рост населения окажется фактором более быстрого роста "выпуска".

Связь темпов роста населения и темпов технического прогресса давно интересовала экономистов, но интерпретировали они ее по-разному. Когда темпы роста населения были высокими, экономистов беспокоила возможность отставания технического прогресса от роста населения. Тот же К. Виксель писал. "Проблема заключается в следующем: может ли кривая технического прогресса повышаться столь же плавно, как и кривая, характеризующая рост населения. Трудно избавиться от впечатления, что здесь должно иметь место известное нарушение гармонии" /цит. по: 19, с. 370/. Когда демографический рост замедлился, в центре внимания оказалась связь технического прогресса с низкими темпами роста населения. Анализируя эту связь, экономисты и демографы давно уже стремятся не рассматривать технический прогресс как экзогенную переменную. Как писал А.Сови, "технический прогресс (или использование его результатов) и плотность (или рост) населения не являются независимыми переменными" /18, с. 31/. Он определенно интерпретирует технический прогресс как функцию демографических переменных. Наиболее серьезные доводы А.Сови, разделяемые и другими авторами, сводятся к тому, что более быстрый рост населения и его более молодой возрастной состав способствуют духу созидания нации, большей активности людей и в то же время более быстрому обновлению производственного аппарата, кадрового состава народного хозяйства, знаний. Но можно ли, даже и соглашаясь с этими доводами, не считаться с факторами, действующими в противоположном направлении? Скажем, как справедливо замечают Дж. Эрвин и К. Джоши, в экономике, испытывающей недостаток рабочей силы, больше побуждений к трудоэкономичным нововведе-

ниям. Никакой баланс действующих в разных направлениях факторов никогда не был подведен, и нам ничего не остается, как признать - вместе с Дж. Эрмишем и Х. Джоши - существование "нерешенного вопроса о том, как демографические факторы влияют на технический прогресс" /6/.

Но предположим даже, что нам удалось бы найти ответ на этот вопрос и, скажем, доказать положительную связь между ростом населения и темпом технического прогресса. Какое практическое значение это может иметь, учитывая крайне небольшой диапазон демографических изменений, реально возможных в европейских странах, с одной стороны, и множество других факторов, от которых зависит технический прогресс, с другой? Думаю, что о большом значении такого вывода говорить не приходится и что вообще длящиеся уже многие годы поиски непосредственной связи между темпами экономического роста и роста населения - не самое перспективное направление экономико-демографических исследований.

Отвлекаясь несколько в сторону, следовало бы вообще поставить под сомнение веру многих демографов в то, что именно в экономике можно найти объективные критерии оценки демографических процессов. Такой подход кажется мне методологически неверным, ибо при нем демографическая сфера получает упрощенную инструментальную трактовку. Ведь находим же мы критерии оценки экономических процессов внутри самой экономики (например, рост производительности труда). Такие же внутренние критерии надо искать и в демографической сфере. Тот или иной темп роста населения хорош или плох не потому, что он способствует или препятствует более быстрому экономическому росту - демография не служанка экономики, - а потому, что он свидетельствует о том или ином качестве функционирования самой демографической системы /см.: 22, с. 242-253/.

Но это, конечно, не значит, что демографические изменения не влияют на экономический рост и что это влияние не заслуживает серьезного внимания.

Советские демографы Е. Андреев и Л. Дарский попытались оценить вклад в экономический рост снижения смертности. Их расчеты с использованием модели стабильного населения показывают, в частности, что при увеличении средней продолжительности жизни с 61 до 76 лет (ситуация, переживаемая многими европейскими странами на протяжении послевоенных десятилетий), только за счет этого фактора суммарный объем произведенного поколением за всю его жизнь может увеличиться при

ежегодном росте производительности труда на 2 % - на четверть, при росте производительности на 4 % - почти на треть /17, с. 16/. Задержка роста средней продолжительности жизни в соответствующей степени тормозит рост производства.

Изменения в рождаемости также не могут остаться без последствий для производства, в частности, потому, что они влияют на возможности экономической активности женщины. Однако здесь связи не столь однозначны. Скажем, в СССР на протяжении XX в. снижение рождаемости вело к значительному уменьшению соотношения "дети-женщины". Число детей до 10 лет на 100 женщин 15-49 лет менялось следующим образом: 118 (1897 г.), 103 (1926 г.), 90 (1939 г.), 80 (1959 г.), 74 (1970 г.). Одновременно росла занятость женщин во внедомашнем производстве: к 1970 г. она достигла в возрасте 20-29 лет 85%, в возрасте 30-39 лет - 81%, в возрасте 40-49 лет - 89% /16, с. 143/. Однако связывать столь высокую трудовую активность женщин только с демографическими изменениями едва ли правомерно. В другой экономической ситуации они могли бы воспользоваться временем и силами, высвободившимися благодаря снижению рождаемости, для расширения своего участия в воспитании детей, досуга и т.д.

Вообще, поскольку речь идет о закономерных демографических изменениях, вписывающихся в схему демографического перехода, полезно было бы представить себе общий характер перемен в использовании трудового потенциала населения, освобождающегося от бремени высокой смертности и высокой рождаемости. Интересные идеи по этому поводу высказываются советским демографом А. Первушиным, развивающим концепцию "экономико-демографического перехода". В процессе этого перехода, с одной стороны, идет повышение того, что он называет "потенциальной" продолжительностью трудовой жизни (число лет между возрастом начала и окончания трудовой деятельности с учетом дожития), с другой, снижается "гипотетическая" ее продолжительность (число лет пребывания в составе трудовых ресурсов без учета смертности, но с учетом меняющейся продолжительности образования, снижения возраста выхода на пенсию и т.д.). В итоге "реальная" продолжительность предстоящей трудовой жизни, в изменении которой отражаются и изменения смертности, и сдвиги в экономической активности в разных возрастах, может снижаться. Для промышленно развитых стран А. Первушин дает следующую оценку этих изменений.

Таблица I. Средняя продолжительность предстоящей трудовой жизни (в годах) в промышленно развитых странах (по А. Первушину)

Продолжительность трудовой жизни	1950	1975	2000
Потенциальная	50,2	50,9	53,0
Гипотетическая	48,4	46,4	44,1
Реальная	43,6	42,3	42,1

Источник: 15, с. 40.

Но может быть наибольшее значение для экономики имеют не закономерные и достаточно плавные изменения, связанные с демографическим переходом, а случайные, экстраординарные сдвиги, вызываемые какими-то конкретными, необычными, а иногда и катастрофическими событиями социальной и экономической жизни, которые могут изменить ритм демографического перехода, привести к кратковременным нарушениям закономерных тенденций (войны, экономические кризисы и т.д.). Резкие перепады чисел родившихся и умерших, деформированность возрастной пирамиды приводят к колебаниям величины трудового потенциала, что не может не усложнять функционирования экономики.

Скажем, сейчас экономике СССР приходится развиваться в условиях гораздо меньшего прироста трудовых ресурсов, чем в сравнительно недавнем прошлом — и именно в силу довольно резких демографических изменений. В 70-е годы в состав трудовых ресурсов входили поколения, родившиеся в 1954—1963 гг. (51,1 млн. рождений). В 1964—1973 гг. родилось на 8,5 млн. человек меньше, стало быть и пополнение трудовых ресурсов 80-х годов сократилось столь же значительно. И даже в 1974—1983 гг., несмотря на рост численности населения (между 1959 и 1979 гг. она увеличилась на 54 млн. человек), тех, кому предстояло пополнить трудовые ресурсы в 90-е годы, родилось на 2,7 млн. человек меньше, чем за 20 лет до этого. К тому же 80-е и 90-е годы — время выхода за пределы трудоспособного возраста относительно многочисленных поколений, родившихся во второй половине 20-х и в 30-е годы. Сочетание малого притока и большого оттока населения в трудоспособном возрасте приводит к тому, что его общий прирост в два последние десятилетия века значительно меньше, чем в 70-е годы. Численность населения в трудоспособном возрасте до конца века будет увеличиваться медленно численности всего населения, а его доля во всем населении будет со-

кращаться. При этом меняется и возрастная структура самих трудовых ресурсов, они стареют /24, с. 74/.

Все это создает определенные трудности, которые необходимо учитывать при планировании развития народного хозяйства, при выработке экономической политики, направленной на нейтрализацию возможных негативных последствий демографических сдвигов. Тем не менее советские экономисты не склонны драматизировать эти последствия и приписывать демографическим изменениям слишком большую роль в формировании тенденций экономического развития недавнего времени, которые сейчас в СССР подвергаются критике. Более того, критика распространяется и на демографическое объяснение этих тенденций, связывавшее их с дефицитом рабочей силы, а в конечном счете, со снижением рождаемости. "Стремление объяснить дефицит демографическими причинами... нанесло значительный вред использованию трудовых ресурсов. Оно ориентировало на изыскание дополнительных... источников пополнения народного хозяйства рабочими руками. По этой причине в течение 70-х годов существенно увеличилось число работающих пенсионеров. Медленно решалась проблема уменьшения общей трудовой нагрузки женщин. В итоге усилия по "наращиванию" числа работающих явились одним из сильных факторов, тормозивших механизацию и как следствие - рост производительности труда" /11, с. 82/.

Сейчас главные направления экономического развития СССР связываются не с экстенсивными, а с интенсивными факторами, значит, в частности, не с увеличением числа работающих, а с повышением их экономической отдачи. Этим не отрицается важность демографического фактора экономического развития, но все же считать этот фактор одним из первостепенных, от которых решающим образом зависят темпы экономического роста, едва ли правомерно. Если же демографические процессы и проблемы привлекают все большее внимание в СССР и в других социалистических странах Европы, то это, как мне кажется, объясняется не столько экономическими, сколько более широко понимаемыми социальными соображениями.

Демографические изменения и благосостояние.

Благосостояние поколений. Под благосостоянием поколений в узком смысле слова можно понимать количество ~~потребительских~~ благ и услуг, доступных поколению на протяжении всей его жизни. Если бы можно было

рассматривать отдельное изолированное поколение, считая, что оно потребляет только то, что само же производит, то единственным демографическим фактором, от которого зависит благосостояние, была бы кривая дожития. Можно было бы, например, считать, что из двух поколений, имеющих одинаковую исходную численность и одинаковое совокупное потребление, более высоким благосостоянием обладает то, у которого выше потребление в расчете на один прожитый человеко-год. В этом случае было бы выгодно, чтобы как можно больше людей умирало вскоре после выхода за пределы трудоспособного возраста.

Но если понимать социальное благосостояние более широко и считать сами годы жизни самостоятельным и весьма ценным благом (как оно и есть на самом деле), то критерии благосостояния должны быть другими. Тогда из двух поколений с одинаковым совокупным потреблением более высокое благосостояние будет у того, которое проживет большее число человеко-лет.

В действительности существование изолированного поколения, конечно, невозможно. Каждое поколение всегда живет в окружении множества других, и всегда имеет место межпоколенное перераспределение ресурсов. Поэтому на деле основным демографическим фактором благосостояния поколений оказывается его собственная численность в сопоставлении с численностью сосуществующих с ним старших и младших поколений или, иными словами, возрастная структура населения. Эта структура важна уже хотя бы потому, что различные потребности и потребление представителей разных возрастных групп. Но кроме того, может быть разным соотношение возрастных групп в каждый данный момент, в частности, соотношение работающих и иждивенцев, что, конечно, также влияет на межпоколенное перераспределение благ.

Если вначале снова оставаться в рамках модели стабильного населения (соотношение численности сосуществующих поколений неизменно), то более низкие темпы роста такого населения означают и более "старую" возрастную структуру. Хотя общая нагрузка иждивенцами (дети + пожилые) на одного трудоспособного может меняться не очень сильно, соотношение числа детей и пожилых имеет существенное экономическое значение. По одной из оценок, сделанных в СССР, потребление ребенка составляет, в среднем, 50%, а пожилого - 80% потребления человека в трудоспособном возрасте /25, с. 107/ (это не противоречит другим оценкам, многократно производившимся в разных странах). Стало быть, при старении населения бремя иждивенчества увеличивается. Соответ-

ственно либо больше платят работающие, либо недополучают иждивенцы, и то, и другое снижает благосостояние или, точнее, замедляет его рост (поскольку само увеличение благосостояния определяется экономическими а не демографическими процессами).

Если теперь от модели перейти к реальной ситуации, в которой разные поколения могут иметь колеблющуюся исходную численность и неодинаковую демографическую судьбу, — то ли в силу закономерных изменений в процессе демографического перехода, то ли в силу действия временных, конъюнктурных факторов, — то бремя иждивенчества меняется в зависимости от колебаний возрастной структуры. Кажется очевидным, что поколениям бэби-бума, достигшим трудоспособного возраста, легче содержать вышедшее на пенсию поколение своих родителей, нежели самим, дожив до выхода на пенсию, оказаться на содержании относительно малочисленных поколений своих детей.

Но ведь пожилые люди потребляют не только продукцию текущего производства, созданную уже тогда, когда они пребывают на пенсии, но и то, что они создали, когда сами работали. Они живут в построенных ими домах, ездят по построенным ими дорогам и т.д. И даже если речь идет о потреблении продукции текущего производства, то в ней присутствует результат инвестиций, осуществленных в ту пору, когда нынешние пенсионеры были в расцвете своей производственной активности. Функционирующий производственный аппарат экономики всегда в значительной степени унаследован от прошлого, так что поколения, следующие за поколениями бэби-бума, в этом смысле могут оказаться даже в лучшем, а не в худшем положении. Потребление пенсионеров — это, по крайней мере, в очень значительной степени, потребление созданного ими же. Считать их просто нахлебниками, сидящими на шее своих детей, неверно прежде всего с экономической точки зрения.

Но в целом вопрос о межпоколенном перераспределении ресурсов в условиях экономического роста далеко не прост. Существует широко распространенная точка зрения, которую можно выразить словами А. Сови. "В развивающемся обществе... каждое поколение производит, в среднем, больше, чем потребляет" /18, с. 470/. Если бы, утверждает А. Сови, в европейских странах каждое поколение потребляло всю произведенную им продукцию, то не произошло бы того непрерывного роста национального богатства, которое наблюдается на протяжении двух последних десятилетий. По подсчетам советского демографа Б. Урманиса, в СССР трудящийся человек за свою жизнь производит, примерно, в полтора раза больше, чем потребляет /14, с. 251/.

Хотя логика подобных рассуждений кажется безупречной, в действительности она недостаточно учитывает сложную динамику технологических возможностей и потребностей людей, не зависящую от собственно демографических изменений. Дж. Эрлиш и К. Джоши высказывают мысль, что влияние межпоколенного перераспределения благ оказывают влияние снижение рождаемости и старение населения, в силу чего перераспределение от младших к старшим поколениям в ФРГ гораздо более вероятно, нежели в Турции /6/. Это было бы так, если бы структура потребностей населения в Турции и ФРГ, затраты на воспитание одного ребенка и т.д. были одинаковыми. Но поскольку этой одинаковости нет, учет только демографических различий не дает достаточных оснований для суждения о направлении межпоколенного перераспределения.

В то же время перераспределение ресурсов от младших поколений к старшим действительно может быть характерным для европейских стран, но иметь не демографическую, а экономическую природу. В условиях быстрого экономического роста, научно-технического прогресса очень быстро меняются жизненные стандарты, потребности людей, и человек в старости потребляет массу благ, которых даже в его зрелые годы просто не существовало или которые тогда были мало кому доступны. Стало быть, потребление каждого поколения растет на протяжении жизни под влиянием общих экономических перемен, в результате чего старшие поколения все время выигрывают. Е. Андреев и Л. Дарский пришли к парадоксальному выводу, что при быстром экономическом росте каждое поколение вообще может потреблять больше, чем оно производит за всю свою жизнь. При этом они отмечают, что " систематический отрицательный баланс поколения не есть что-то негативное. Это прямое следствие быстрого экономического роста, который сочетается с ростом производительности, общего объема производства, общего объема потребления и душевого потребления. Систематический отрицательный баланс поколений во все не обязательно связан с уменьшением национального богатства... Избыточно потребленное покрывается произведенным более молодыми поколениями, имеющими более высокую производительность. При этом баланс гипотетического поколения остается положительным" /17, с. 21-22/. Оптимистическая ситуация означает, что возможно систематическое перераспределение благ от младших поколений к старшим как предпосылка роста благосостояния каждого поколения.

Рассмотрение благосостояния поколений и межпоколенного перераспределения ресурсов помогает понять влияние демографических изменений

на благосостояние, но далеко не исчерпывает этого вопроса. Межпоколенное распределение, рассматриваемое на уровне всего населения, феномен в достаточной степени абстрактный. Реальное благосостояние конкретных людей или семей, испытывая некоторое влияние рассмотренных выше процессов межпоколенного перераспределения, в решающей степени зависят от того, каковы социальные основания перераспределения ресурсов в обществе, в рамках его основных институтов. Но если эти основания заданы, то формирование того или иного уровня благосостояния семей испытывает влияние и демографического фактора.

Благосостояние семей. Для большинства населения как в социалистических, так и в капиталистических странах, основной источник благосостояния семей - трудовые доходы их членов, хотя существуют и другие источники.

При социализме за счет оплаты по труду обеспечиваются в основном потребительские расходы семей, в том числе и расходы, связанные с воспитанием детей. Если бы эта оплата для всех работников была одинаковой, и если бы семьи не различались по составу, в частности, по числу детей, то ни в каких других формах перераспределения ресурсов не было бы надобности. Но, хотя оплата труда взрослого работника складывается таким образом, что в ней, в принципе, учитываются потребности семей с детьми, этот учет может быть только усредненным, то есть ориентированным на среднее число детей без их дифференциации по полу и возрасту и т.д. В реальной же жизни семьи очень сильно различаются по всем этим параметрам, и уже одно это должно служить причиной материального неравенства семей. Кроме того, оплата по труду служит не только источником средств существования, но и мерой количества и качества труда, а также стимулом к трудовой активности. С этим связана дифференциация оплаты труда, которая может быть очень значительной. Таков второй источник материального неравенства семей.

Существуют различные механизмы смягчения этого неравенства. Один из них - внутрисемейное межпоколенное перераспределение доходов, которое представляет собой одну из форм межпоколенного перераспределения, рассматривавшегося выше на уровне всего населения.

Исследования, проводившиеся в СССР, показывают, что от поколения к поколению увеличивается роль родителей в формировании бюджета молодых семей /7, с. 45-46/. Эта тенденция в значительной степени обусловлена демографическими изменениями: уменьшением числа детей и

трансформацией кривой возрастной рождаемости, все более ранним завершением деторождения. Экономический и демографический циклы семейной жизни обычно не совпадают. При раннем завершении деторождения потребности семей, связанные с рождением и воспитанием детей, особенно быстро растут на протяжении первых десятилетий семейной жизни, достигают "пика" к 40-45 годам, а затем, в связи с отделением взрослых детей или появлением у них собственного заработка, идут на спад. В то же время трудовые доходы супругов, как правило, растут с возрастом в результате роста квалификации, продвижения по службе и т.д. Эти доходы часто достигают максимума как раз тогда, когда потребности, связанные с воспитанием детей, отпадают или сокращаются. В этих условиях у родителей образуются резервы, которые, по крайней мере частично, могут быть использованы для материальной помощи детям, находящимся на ранних стадиях своей деловой карьеры. При большом числе детей материальная помощь со стороны родителей каждому из них не может быть значительной. Но в современных условиях, когда преобладают семьи с 1-3 детьми, она оказывается достаточно существенной и до известной степени смягчает материальные трудности, которые испытывает молодая семья с детьми. Правда, одновременно, по-видимому, сокращается помощь живым трудом, которая была распространена прежде, когда домашнее хозяйство составляло главную сферу деятельности женщины. Женщины, занятые профессиональным трудом, как до, так и после выхода на пенсию, значительно меньше участвуют в уходе за внуками и их воспитании, чем прежде, и это создает для молодых семей трудности, часто непреодолимые даже при достаточном уровне материального благосостояния.

Вопрос о внутрисемейном межпоколенном перераспределении ресурсов привлекает большое внимание демографов, изучающих проблемы детерминации прокреативного поведения. Часто считают, что именно изменение направления этого перераспределения послужило одной из главных причин перехода к низкой рождаемости. Как полагает Дж. Колдуэлл, межпоколенный поток экономических благ, который в традиционном аграрном обществе был направлен от младших поколений к старшим, теперь повернул на 180 градусов, и это решило дело /4, с. 345-355/. Связанные с этим эпохальные сдвиги в роли детей в экономике семьи многие демографы ставят на одно из первых мест среди факторов перехода к низкой рождаемости. Нам уже приходилось высказывать сомнения по поводу этой

экономической мифологии применительно к прошлому в связи с анализом экономической ценности детей на материале русской дореволюционной деревни /23, с. 4-10/. Подобные сомнения высказывают и другие авторы, изучавшие вопрос на материале современных развивающихся стран. В противовес данным Дж. Колдуэлла о положительном вкладе детей в экономику семьи, "имеется немало эмпирических данных (Миллера, Кейна, Ли и Булатао), которые показывают, что экономический вклад детей почти всегда отрицателен" /2, с. 171/.

Мне кажется, что внутрисемейное межпоколенное перераспределение ресурсов, в том числе и в пользу детей - отнюдь не открытие нового времени. Это один из тех исторически универсальных механизмов, с помощью которых обеспечивается демографическое, социальное и экономическое воспроизводство человека и общества. Он не моложе самой семьи. Формы такого перераспределения меняются, они не могут быть одинаковыми при господстве натурального хозяйства и в условиях всеобщего распространения товарно-денежных отношений. Эти формы связаны и с числом рождений и смертей детей в семье до и после демографической революции. Но мне кажется несомненным - и я убежден, что этому взгляду предстоит утвердиться в демографической науке, - что не число детей в семье приспособляется к исторически конкретным формам межпоколенного перераспределения благ, а напротив, эти формы вырабатываются историческим опытом с учетом новой демографической реальности и потому не столько объясняют перемены в прокреативном поведении людей, сколько сами объясняются ими.

Но вот что действительно ново, так это огромное развитие других, внесемейных форм межпоколенного перераспределения благ, в которых одновременно учитываются и требования социальной справедливости, выработанные многовековой борьбой трудящихся за свои социальные и экономические права, и объективные требования к качеству человека, живущего в обществе, технологическая и социальная сложность которого не имеет исторического прецедента.

В развитии этих форм огромную роль играет опыт СССР и других социалистических стран Европы, где сложилась мощная система! удовлетворения важнейших социальных нужд трудящихся с помощью так называемых "общественных фондов потребления" (ОФП). За счет ОФП обеспечиваются бесплатное образование и здравоохранение, пособия, пенсии и стипендии учащимся, оплата ежегодных отпусков, содержание детей в до-

инициальных учреждениях, другие выплаты и льготы. Уже из этого перечня видно, что главными получателями ресурсов из ОФП оказываются некоторые специфические демографические группы: дети, молодежь, пожилое население. С помощью ОФП обеспечивается частичное перераспределение предназначенной для потребления доли национального дохода без учета трудового вклада получателей или с его ограниченным учетом, благодаря чему также достигается значительное смягчение материального неравенства семей, вытекающего из неравенства трудовых доходов и различного числа детей.

Доля ОФП в доходах населения в странах СЭВ колеблется от 1/5 до 1/3, они растут быстрее реальных доходов в целом /8, с. 26-29/. Таблица 2 дает представление о составе этих фондов.

Таблица 2. Структура общественных фондов потребления в некоторых социалистических странах Европы, в %, 1985г.

	Болгария	Венгрия	Польша	ГДР	Чехословакия	СССР
Пенсии, пособия, стипендии	46,1	58,7	48,7	32,4	48,8	42,2
Бесплатное здравоохранение и физическая культура	16,3	14,1	21,7	18,8	15,9	13,7
Бесплатное образование и культура	21,6	20,3	20,9	21,5	20,3	24,0
Расходы по эксплуатации жилого фонда, не возмещаемые квартирной платой	0,9	1,4	6,5	16,6	4,3	6,3
Прочие выплаты и льготы	15,1	5,5	2,2	10,7	10,7	13,8

Источник: I, с. 44.

Большая значительная доля общественных фондов потребления расходуется на развитие бесплатного здравоохранения, образования, других систем, обеспечивающих реализацию социальных гарантий, которые общество предоставляет всем своим членам независимо от их трудового вклада, материального положения родителей и т.д.

Еще большая доля ОФП распределяется в виде денежных выплат, назначаемых индивидуально и учитывающих экономический и демографический

статус их получателя. Демографы особенно интересуют выплаты на детей, поскольку с ними обычно связывается возможность воздействовать на рождаемость. Пособия и льготы, получаемые матерями, имеющими детей, позволяют им уделить больше внимания уходу за детьми (особенно в первые годы их жизни) и их воспитанию, препятствуют снижению благосостояния семей в связи с увеличением числа иждивенцев, временной утратой заработка матери и т.п. Система подобной помощи семьям с детьми в социалистических странах неуклонно развивается. В СССР, например, только с 1970 по 1985 г. расходы на выплату пособий матерям и малообеспеченным семьям увеличились в 3,8 раза. Общие расходы из разных источников на пособия матерям составляют более 5 млрд. рублей /24, с. 78/.

Но именно потому, что общественные фонды потребления оказывают все более заметное влияние на благосостояние семей, в частности, семей с детьми, этот феномен нуждается в лучшем теоретическом осмыслении, в разграничении взгляда с позиций обыденного здравого смысла и аналитического, научного взгляда.

Часто кажется очевидным, что, поскольку оплата по труду не учитывает состава семей, то появление каждого следующего ребенка неизбежно снижает уровень жизни семьи, и поэтому социальная справедливость требует, чтобы потери в уровне жизни были компенсированы из общественных фондов потребления. Среди советских экономистов есть сторонники и противники этого взгляда. И те, и другие "обосновывают свои позиции соображениями необходимости усиления материальных стимулов к труду" /8, с. 106/, но рассуждают по-разному. Противники полагают, что развитие системы денежных пособий на детей, уменьшив нагрузку иждивенцев на работающих членов семьи, способствует снижению их заинтересованности в результатах своего труда и одновременно отвлекает предназначенные для повышения его эффективности средства. Сторонники же утверждают, что когда общество с помощью денежных выплат из ОФП на иждивенцев (особенно детей) устраняет различие в доходах и потреблении, вызванное неодинаковым составом семей, то "вся большая часть доходов, получаемых по труду, расходуется на удовлетворение потребностей самих работников..., усиливается стимулирующая роль оплаты по труду, поскольку размер потребления работающих... в большей мере зависит от их трудового вклада" /8, с. 107/.

Мне кажется более логичной первая из этих двух точек зрения. Едва ли верно связывать заинтересованность работника в оплате по труду только с его собственными потребностями: в меньшей, а часто и в

большей мере для него важно удовлетворение потребностей членов его семьи, особенно детей. Устранение всякой связи между заработком работника и материальными возможностями его детей, несомненно подорвало бы стимулирующую функцию оплаты по труду. Кроме того, нельзя не учитывать, что вопрос об уровне жизни — это вопрос не только доходов, но и расходов семьи. Если доходы, по крайней мере теоретически, можно выравнивать с помощью выплат из ОФП (хотя в жизни это далеко не просто) то воздействовать на расходование поступающих в семью средств намного сложнее, и может получиться так, что средства, выплачиваемые "на детей", будут расходоваться совсем на другие нужды, в частности, и на удовлетворение тех потребностей работников, на которые в других условиях им пришлось бы зарабатывать.

Исходя из общей ориентации социалистического государства на как можно более широкое развитие системы социальных гарантий, некоторые демографы пытаются связать с этой системой и будущее рождаемости. Они полагают, что если, при прочих равных условиях, уровень жизни семьи не будет зависеть от числа детей, — благодаря соответствующим государственным выплатам семьям с детьми, — то это будет способствовать повышению рождаемости до уровня, гарантирующее надежное возобновление поколений.

Однако следует ли смешивать механизмы социальной помощи, представляемой социализмом всем, кто по тем или иным причинам в ней нуждается, с основными механизмами функционирования главных общественных институтов? Семейная жизнь, рождение детей — норма для взрослого человека, а не что-то вроде болезни или инвалидности. И сегодня, и в обозримом будущем столбовая дорога к повышению благосостояния семей лежит через рост трудовых доходов.

Материальная помощь семьям, конечно, нужна. Но не всем семьям, не всегда и не потому, что семья в принципе не может стоять на собственных, если можно так выразиться, экономических ногах. Она нужна пусть в многочисленных и разнообразных, но все же особых ситуациях: беременным женщинам или женщинам с маленькими детьми, матерям-одиночкам, многодетным семьям и т.д. Здесь каждый вправе рассчитывать на помощь системы социального страхования в широком смысле этого слова. Роль такой помощи как раз и должна сводиться к тому, чтобы вывести семьи, оказавшиеся в особых условиях, на уровень тех стандартов благосостояния, на которых обычная, "средняя" семья находится без вся-

ной помощи, точнее, лишь при той - далеко не маленькой - помощи, которая вытекает из обязательных и общих для всех социальных гарантий (бесплатное здравоохранение и образование, бесплатные или доступные на очень льготных условиях дошкольные учреждения и пр.). Но материальная помощь семьям за счет ОФП, которая должна, конечно, расширяться и нужна многим миллионам семей, не может рассматриваться в качестве главного экономического механизма поддержания рождаемости на необходимом обществу уровне.

Кроме того, существует еще вопрос о том, каково место этого экономического механизма во всей системе детерминации рождаемости. Широко понимаемое социальное благосостояние не сводится к уровню жизни или к удовлетворению только тех потребностей людей, которые могут получить выражение в денежном эквиваленте. Не следует ли задуматься над другими, социально-культурными и социально-психологическими ее детерминантами, над тем, что в системе ценностей, свойственной современной европейской культуре, дети выступают в качестве самостоятельного и весьма высоко ценимого блага? Обладание этим благом, даже если оно приводит к снижению на какое-то время дохода в расчете на одного члена семьи, ее общего жизненного уровня, не обязательно уменьшает общую сумму благ, имеющихся в семье, общую сумму удовлетворения всех ее членов. Конечно, социально-культурные детерминанты рождаемости не независимы от экономических условий, от общественного строя, они не всегда достаточно развиты и не всегда могут проявиться в полную силу. И все же, как мне уже приходилось писать, "будущее рождаемости внушало бы меньше беспокойства, если бы, "при прочих равных условиях", родители были готовы пожертвовать - пусть до известного предела - уровнем жизни во имя рождения еще одного ребенка, считая самого этого ребенка и даже свою ответственность за него более важными жизненными ценностями, чем многие другие блага, вытекающие из более высокого жизненного уровня. Идея "дарового", полностью оплаченного государством ребенка доводит до абсурда требование социального равенства и в то же время противоречит исторической тенденции к повышению ответственности родителей за своих детей, заполненности их жизни детьми, всему тому, что мы называем детоцентризмом современной семьи"

/22, с. 260/.

Разумеется, не следует впадать и в другую крайность, Как ни важны неэкономические компоненты социального благополучия человека или семьи, благосостояние в самом обычном, экономическом смысле нельзя

считать чем-то второстепенным. Самые чадолюбивые родители могут жертвовать уровнем жизни только до определенного предела, и вся трудность заключается в том, чтобы установить тот предел. Конечно, речь идет не об абсолютной границе — минимальные требования к уровню жизни меняются от страны к стране, от периода к периоду. Но было бы полезно в рамках принятых в данном обществе и в данное время жизненных стандартов, на основе каких-то более или менее объективных критериев, отграничить "норму" от того, что от нее отклоняется, так чтобы "норма" обеспечивалась действием основных экономических механизмов, оплатой по труду, а при возникновении "аномалии" вступали в действие механизмы специализированной социальной помощи. Например, если принять демографический критерий, то поскольку для поддержания простого замещения поколений необходимо рождение 2-3 детей в среднем на семью, то рождение и воспитание такого числа детей не должно быть экономически непосильным для большинства семей и должно поэтому обеспечиваться трудовыми доходами ее членов (разумеется, при сохранении и расширении бесплатности или льготности тех социальных услуг, равный для всех доступ к которым диктуется соображениями социальной справедливости: здравоохранения, образования и пр.). При большем же числе детей уже может ставиться вопрос о социальном вспомоществовании — частично, быть может, за счет подоходного налогообложения тех, кто имеет меньше двух детей. Это лишь одна из вероятных схем перераспределения доходов с одновременным учетом демографических нужд как семей, так и всего общества, практика гораздо более разнообразна. Однако именно в интересах практики выработка четких теоретических представлений о закономерных механизмах связи между экономическими и демографическими процессами и, в конечном счете, приведение практики в соответствие с этими научно обоснованными представлениями.

Заключение.

Связи между экономическими и демографическими процессами чрезвычайно многообразны, и, наверно, все они заслуживают внимания. Важно, как изменение темпов роста населения влияет на "демографические инвестиции" и темпы технического прогресса, как сдвиги в возрастной структуре сказываются на среднелюдовом производстве и потреблении, как колебания чисел родившихся порождают экономические волны, а изменение числа детей в семье затрагивает экономическую активность женщин. Де-

демографические процессы определяют численность трудовых ресурсов, обуславливают большую или меньшую нагрузку индивидуумами одного трудоспособного, влияют на величину пенсий и семейных пособий, требуют внимания со стороны тех, кто планирует жилищное строительство, производство потребительских товаров, организацию образования или медицинского обслуживания. Этот перечень можно продолжать, но и без того ясно, что демографический фактор выступает в качестве одной из важных детерминант экономического процесса, участвует в формировании темпов экономического роста и уровня благосостояния.

В свою очередь, то, что происходит в экономике, также не остается без последствий для демографических процессов, затрагивает рождаемость и смертность, влияет на формирование и распадение семей и т.д.

Все эти связи нельзя оспорить — да их никто и не оспаривает, — их надо изучать, учитывать в практической деятельности. И все жестораживает то, что хотя они изучаются уже отнюдь не первое десятилетие, установлено не так уж много четких зависимостей, интерпретация многих связей далеко не однозначна. Кажется ясным, например, что существует связь между рождаемостью и работой женщин вне дома. Однако, во-первых, не очень ясно, что служит причиной, а что следствием: потому ли рождаемость низка, что многие женщины работают вне дома, или они могут работать вне дома, потому что теперь многочисленные беременности, роды, постоянное вынуживание детей не привязывают их к дому, как это было прежде? Во-вторых же сама связь, кажущаяся очевидной, прослеживается не так уж четко. По данным Экономической комиссии для Европы, в 1984 г. доля работающих женщин составляла в Чехословакии 68%, во Франции 54,7%, в ГДР 77,5%, в Венгрии 63%, в Швеции 77,2 %, в ФРГ 49,7% /5, с.44/. Казалось бы, что большей должна быть рождаемость в ФРГ, наименьшей — в ГДР. На деле же, как видно из табл. 4 доклада Дж. Эрмша и Х. Джоши, ожидаемое число рождений на одну женщину составляло в 1984 г. в Чехословакии 2,0, во Франции — 1,9, в ГДР — 1,9, в Венгрии — 1,7, в Швеции — 1,6, в ФРГ — 1,4.

Примеров подобных зависимостей, которые постоянно привлекают внимание именно потому, что кажутся почти очевидными, хотя на поверку оказываются весьма проблематичными, можно привести много.

В то же время от взгляда демографов, а тем более экономистов часто странным образом ускользает поистине огромный вклад, который вносит в экономическое развитие в целом, в широко понимаемое социальное благосостояние всего населения и каждой семьи тот исторический

переворот, который с полным основанием называют иногда демографической революцией.

Между тем, в результате этой революции резко повышается эффективность одного из основополагающих видов человеческой деятельности - производства самого человека. Для иллюстрации роста экономичности демографического процесса можно воспользоваться показателем "цены простого воспроизводства", т.е. числом девочек, которое должна родить, в среднем, каждая женщина, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения: $\rho = R/R_0$. Еще сто лет назад во многих европейских странах эта "цена" превышала 1,5 - 1,6, тогда как сейчас она повсеместно весьма близка к единице, то есть снизилась более, чем в полтора раза, а по сравнению с более отдаленными временами - в 2 - 2,5 раза. Демографический процесс стал не только более экономичным, но и более устойчивым, менее зависящим от случайности, лучше прогнозируемым. Все это - индикаторы повышения качества демографического функционирования. Представление о таком качестве можно связать с местом, занимаемым демографическим функционированием во всей жизнедеятельности социального организма. Чем более локализовано демографическое функционирование и чем вследствие этого шире универсальные (а не специализированные, демографические) возможности общества, тем выше качество демографических процессов (разумеется, при обеспечении одного и того же уровня замещения поколений).

Огромное расширение универсальных возможностей общества - это и есть главный и безусловно позитивный вклад демографических изменений и в экономический рост, и в повышение благосостояния, ибо оно открывает путь к коренной рационализации жизненного цикла каждого человека, особенно женщины, резко расширяет выбор возможных видов деятельности как в сфере труда, так и в сфере досуга, способствует повышению социальной мобильности людей и т.д. На фоне подобных эпохальных перемен частные колебания демографических показателей, которым уделяют так много внимания в экономико-демографических исследованиях, выглядят не столь уж важными.

Могут сказать, что все это верно, но не для современной Европы. Демографическая революция здесь завершена, фундаментальные сдвиги совершились, и здесь сейчас важны как раз относительно небольшие, частные изменения, которые могут иметь заметные экономические последствия. Думаю, что это не так. Даже если считать, что демографическая

революция здесь действительно завершена (а это не бесспорно), 100-150 лет, на протяжении которых она протекала наиболее активно, - не такой уж большой срок. Население европейских стран еще не реализовало всех тех экономических и социальных возможностей, которые открывает эта революция, может быть, еще и не осознало их до конца. И я не исключаю того, что именно выявление этих возможностей, путей их реализации в разных странах может занять главное место в работе тех исследователей, которых интересует проблема "Демографические изменения, экономический рост и социальное благосостояние".

Литература.

1. Статистический ежегодник стран-членов СЭВ. 1986. М., 1986.
2. Bulatao R.A. Content and process in fertility decisions: a psychosocial perspective. - In: International conference on population, 1984. Fertility and family. Proceedings of the expert group of fertility and family, New Dehli, 5-11 January 1983. UN, NY, 1984, ST/ESA/Ser. A/88.
3. Buquet L. L'optimum de population. Paris, 1956.
4. Goldwell J.C. Toward a restatement of demographic transition theory. - Population and development review, 1976, v. 2, N 3-4.
5. The economic role of women in the ECE region. Development 1975/85. UN NY. 1985.
6. Ermisch J., Joshi H. Demographic change, economic growth and social welfare.
7. Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М., 1985.
8. Гусеватый Я.Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980.
9. Hansen A.H. Economic progress and declining population growth. In: Population theory and policy. Selected readings. Glencoe, 1956.
10. Костяков В.Г. Занятость: дефицит или избыток? - "Коммунист", 1987, № 2.
11. Kuznets S. Population change and aggregate output. Demographic and economic change in developed countries. Princeton, 1960.
12. Кузнец С. Демографические аспекты современного экономического роста. - В кн.: Население и экономика. М., 1970.
13. Урланис Б.Ц. Проблемы экономической демографии. - В кн.: Б.Ц. Урланис. Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976.

15. Первушин А.С. Демографические аспекты рабочей силы в мире. М., 1984.
16. Население СССР. Справочник. М., 1974.
17. Демографические процессы и их закономерности. М., 1986
18. Sauvy A. Théorie générale de la population. V. 2. La vie des populations. Paris, 1966.
19. Вишневский А.Г. Население и производство. - В ин: Модели демографических связей. М., 1972.
20. Вишневский А.Г., Шукайло В.Ф. О взаимосвязи демографического и экономического роста. - В кн.: Народонаселение. Население и экономика. М., 1973.
21. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История современность, взгляд в будущее. М., 1982.
22. Вишневский А.Г. Место исторического знания в изучении про-креативного поведения в СССР. Доклад на Втором советско-французском семинаре. Суздаль, 15-19 сентября 1986 г. М., 1986
23. Вишневский А.Г. Человеческий фактор в демографическом измерении. - "Коммунист", 1986, № 17.
24. Звидриныш П., Звидриня М. Из опыта составления экономических возрастных пирамид (на примере Латвийской ССР). - "Экономические науки", 1980, № 6.